

УДК 343.1

*А. Ю. Смолин**начальник редакционно-издательского отдела
Нижегородской академии МВД России,
кандидат юридических наук*

«ТЕХНОЛОГИЯ» КАК СУТЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Уголовный процесс в отечественной юридической доктрине давно и традиционно определяется через ключевое слово «деятельность». Это слово признается уместным сущностным штрихом всеми теоретиками уголовного процесса. Какими бы смысловыми добавками не перегружалась дефиниция понятия уголовного процесса, о «деятельности» не забывают. Все настолько привыкли к деятельностиному подходу к сути уголовного судопроизводства, что не замечают, что это слово не отражает подлинной квинтэссенции уголовного судопроизводства. Деятельность — это слово поверхностное, описательное, «слово-констатация». Глубинная же суть процесса может быть передана через слово «технология».

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что уголовный процесс, становясь на рельсы розыска и публичности, замыслился именно как технология. Государство, присвоив себе право установления истины по делу, неизбежно возложило на себя обязанность изобретения надежного средства достижения этой цели, которое бы не давало сбой и не оправдывалось издержками человеческого фактора. Однако технология уголовного процесса не была данностью. Как это ни парадоксально звучит, изначально она и не была технологией. Она скорее напоминала цель (ориентир), к которой стремилась методология уголовного процесса.

Исходя из этого определился и оптимальный путь эволюции уголовного процесса — путь технологии. Именно технология представлялась подлинным процедурным арбитром в разрешении базового противоречия уголовного процесса — между объективностью цели и субъективностью средств достижения этой цели. В контексте этого эволюционного вектора технологическая трансформация процессуальной формы представляется наиболее предпочтительным и прогнозируемым путем ее эволюции.

Данная эволюция может быть представлена как путь уголовного процесса от максимума «эмоциональности» к максимуму «рациональности». Данный путь сопровождается тенденцией в виде увеличения количества иррациональных нормативных вкраплений. Действующий уголовно-процессуальный закон провозгласил основой методологической оценки доказательств «совесть». Причем «совесть» здесь обозначает не явление, а всего лишь общую идею

иррациональности. Слово «совесть» вполне могло быть заменено такими словами, как «правосознание», «справедливость», «честность» и т. п.

Идея иррациональности в любом ее словесном обозначении есть факт признания того, что уголовный процесс пока так и не стал полноценной технологией. Через эти слова законодатель как бы извиняется за то, что до сих пор не выполнил свое старинное обязательство приблизить уголовный процесс к подлинной технологии. По этой причине уголовный процесс пока не может отказаться от каких-либо нормативно сформулированных морально-этических ориентиров. Но использует он их парадоксальным образом, пытаясь усилить объективность деятельности субъективностью субъекта.

Несмотря на то, что закон предписывает правоприменителю при оценке доказательств руководствоваться совестью опосредованно, как мерилom искренности внутреннего убеждения, кардинально проблему объективности выводов рассматриваемого субъекта это не решает и решить не может. Невозможно отрицать, что недостаточная объективность — это уже необъективность. Заметим, что внутреннее убеждение правоприменителю закон предлагает формировать из двух частей рационального (фактических данных и предписаний закона) и одной части иррационального (совести). Однако здесь происходит то, что происходит с бочкой меда при вкраплении в нее малой субстанции дегтя. Иными словами, если при оценке доказательств смешать две части рационального и одну иррационального, в итоге получится три части иррационального, но никак не наоборот. Это не сразу осознается привычной логикой мышления, но с практической точки зрения происходит именно так.

Вместе с тем заполнение «слабых мест» уголовно-процессуальной формы метафизическими элементами не стоит рассматривать признаком регресса рациональной основы современного уголовного процесса. «Слабые места» как раз являются свидетельством укрепления рационального начала. Приблизившись в своем развитии к максимуму доступной человеку рациональности, технологией (алгоритмом достижения цели) уголовный процесс тем не менее так и не стал. Поэтому за неимением действенных способов дальнейшего концептуального повышения рациональности процесса интерпретации процессуально значимой информации приходится вводить хоть какие-то дополнительные инструменты, кажущиеся иррациональными.

Подобный синтез рационального и иррационального подтверждает нашу гипотезу о том, что уголовный процесс никогда не являлся технологией в полном смысле этого слова. Не является он ей и сегодня. Пока уголовный процесс можно квалифицировать как ритуал с элементами зачатков технологии. Вместе с тем принцип законности побуждает правоприменителя относиться к уголовно-процессуальной форме технологически, как к гаранту результата. Таким образом, глубинная цель процесса (установление истины) подменена ори-

ентиром на обеспечение строгого соблюдения установленной процедуры. При этом современный процесс подвержен этой тенденции в большей степени, чем его предыдущие версии. Возможно, в этом как раз и выражается предчувствие приближения подлинной технологии.

Уместен вопрос: в чем же суть этой подлинной технологии как концепции? Суть эта может быть в первом приближении обозначена ключевым словом «определенность». Концепция «уголовный процесс как технология» не допускает неопределенности судопроизводства. Уголовное судопроизводство, в отличие от судопроизводства гражданского, — это не спор и не компромисс. Уголовное судопроизводство в его подлинно технологическом понимании есть алгоритм неизменного целенаправленного установления объективной истины. Даже кажущаяся «исковой» ситуация, когда потерпевший указывает на конкретное совершившее в отношении него преступное посягательство лицо, не может быть окончена неопределенным результатом по причине отсутствия достаточных для ее разрешения по существу данных. При этом даже последующее примирение потерпевшего с обвиняемым не является основанием для отказа от реализации уголовно-процессуальной цели.

Таким образом, главный и обязательный критерий, позволяющий охарактеризовать уголовный процесс как технологию, есть неизменное достижение его цели, то есть получение продукта с заданным или прогнозируемым качеством. Применительно к уголовному судопроизводству это заключается в установлении объективной истины по каждому содержащему признаки преступления деянию. Принцип неотвратимости уголовной ответственности может быть реализован только посредством четкой безотказной технологии уголовного процесса.

Технология может допускать наличие некоторого количества некачественного продукта, однако недостижение цели само по себе представляет собой единичное исключение, обусловленное случайным сбоем. При этом доля «брака», как правило, прогнозируется заранее и является приемлемой исходя из соображений оптимальности баланса цели и средств ее достижения. Специфика уголовного процесса, концептуально представленного в качестве технологии, состоит в том, что цель процесса не поддается корректировке. Эта цель процесса является неизменной на протяжении всей его истории. Принципиальная невозможность достижения искомой цели на текущем уровне эволюции судопроизводства не является основанием для ее пересмотра.

Цель уголовного процесса полностью исчерпывается установлением истины. Все иные требования и «пожелания» к процессу достижения цели (быстроты, простоты, дешевизны, минимизации степени ограничения прав человека и пр.) саму цель не характеризуют и связаны лишь с соответствующими процессуальными ресурсами (временными, трудовыми, материальными, степенью

«человеческого страдания»), объем затрат которых отражает большую или меньшую технологичность процесса.

Современная наука пока не осознала сущностного значения слова «технология» для понимания уголовного процесса. Имеет место ограниченность и узость традиционной уголовно-процессуальной интерпретации категории «технология» (уголовный процесс как технология чего-то; использование в уголовном судопроизводстве тех или иных технологий и т. п.). Но к сути процесса ведет иной подход, как к явлению, потенциально обладающему свойствами технологии, а также характеризующемуся тем или иным уровнем технологичности.

Технологичность является важнейшей комплексной характеристикой уголовного судопроизводства, которую можно представить как совокупность свойств процесса, определяющих его приспособленность к достижению оптимальных затрат процессуальных ресурсов для той или иной степени приближенности к достижению стоящей перед ним цели. Таким образом, независимо от того, является ли существующая в данный момент времени уголовно-процессуальная форма технологией, тем или иным уровнем технологичности она определенно обладает. И даже когда форма достигнет такого уровня своего развития, что мы уже сможем ее охарактеризовать как технологию, движение в сторону большей технологичности возможно в направлении оптимизации затрат процессуальных ресурсов.

В настоящее время возникла острая необходимость осмысления технологичности уголовного процесса на языке машинных технологий. Исходя из математической посылки о конечности вариантов процессуальных ситуаций, представляется перспективной теоретическая концепция автоматизированного процесса неизменного достижения уголовно-процессуальной цели при помощи программного алгоритма, гипотетически предполагающего подбор оптимального варианта действий и решение в каждой судебной-следственной ситуации. Для человека, физически не способного оперировать подобным массивом процессуальных ситуаций и соответствующих им действий и решений, необходима группировка схожих индивидуальных ситуаций в типовые, в границах которых субъекту предстоит принимать решение, руководствуясь усмотрением. Программному алгоритму нет необходимости искусственно группировать судебные-следственные ситуации в категории и использовать для принятия решения усмотрение. «Машина» может оперировать ими всеми одновременно.

Наша концепция, укладывающаяся в формулу — «уголовный процесс как технология», базируется на особом технологическом типе формальной системы интерпретации процессуально значимой информации, дополненной действенным методом ее добывания. Уголовный процесс, являющийся технологией, есть розыскной процесс с присущей ему системой формальных доказательств, в контексте нашей концепции трансформирующихся в собственно источники

истины. Наиболее часто критикуемые атрибуты розыска, в том числе требование неперменного наличия независящего от убеждения правоприменителя беспспорного подтверждения виновности обвиняемого, в рамках нашей концепции, оперирующей отличным от традиционного процессуальным методом, являются неотъемлемыми элементами процесса.

В заключение скажем, что при всем уважении к традиционной уголовно-процессуальной форме мы вынуждены признать, что она себя изживает. Причем процесс деградации «слишком человеческой» формы с каждым годом усиливается. Основанное в том числе на иррациональных «методах познания» (совесть, правосознание и пр.) внутреннее убеждение правоприменителя не является надежным источником уголовно-процессуальной истины. И если ранее альтернатива субъективным средствам в решении объективных процессуальных задач отсутствовала, то сегодня наметилась тенденция к зарождению соответствующего метода, позволяющего избежать издержек «человеческого фактора».